

А. В. Ганин

Москва

ПРОБЛЕМА ПЬЯНСТВА В ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ
НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*«Армия, воспитываемая на произволе,
в грабежах и пьянстве, ведомая начальниками,
примером своим развращавшими войска,
такая армия не могла спасти Россию...».*

Из письма П. Н. Врангеля А. И. Деникину от 15 февраля 1920 года¹

Одной из серьезных проблем, с которыми сталкивалось казачество, была проблема пьянства. В условиях Гражданской войны, безвластия, хаоса и всеобщей разнузданности эта проблема, неизменно сопровождавшаяся ростом количества бытовых преступлений, стала значительно более серьезной, чем прежде.

Возможно, раньше отличительными чертами казаков и являлись набожность, монархизм, чинопочитание, любовь к войску, смелость, инициативность, молодечество, простота в обращении, чувство товарищества², однако к началу XX в. многие из этих черт уже стали достоянием истории. На смену им, в основном в среде казачьей молодежи, пришли совершенно нехарактерные ранее явления: алкоголизм, приобретший массовый характер, упадок дисциплины, рост непонимания и проявление неуважения к старикам, апатия в отношении военной службы. Распространенным чувством стало безразличие ко всему происходящему. Такое состояние умов и настроений представляло благодатную почву для революционной пропаганды. Эти явления наблюдались тогда не только в Оренбургском, но и в других казачьих войсках.

Основные претензии гражданских властей и населения к казакам в ходе подавления беспорядков периода первой русской революции (фактически репетиция событий Гражданской войны) были связаны именно с проблемой пьянства³. Начальник военного отдела Сибирского казачьего войска В. Путинцев в 1911 г. с горечью отмечал, характеризуя свое войско, что «пьянство, лень и праздность царят в казачьей среде, разъедавая ее в корне, так как теперь пьют меньше старики, а больше молодежь. Пьют малолетки, пьют и девушки-подростки, а о казачках-матерях я и не говорю. Теперь пьют не так, как пили раньше деды и отцы в дни храмовых и войсковых праздников или по случаю каких-либо военных игр, скачек и других общественных забав; ныне пьют, пользуясь каждым удобным и неудобным случаем, начиная с покупки коня или коровы и кончая именинами. Не проходят без попок и события в общественной казачьей жизни... Благодаря такому пьянству, в наших станицах и поселках в праздничные дни господствует бесшабашный разгул, приправленный бранью, пьяными скабрзными песнями, дракой между молодежью, уличным развратом и, в лучшем случае, шумными спорами и какими-нибудь пошлыми бреднями. Во время этого разгула молодежи, почтенному казаку, старушке, священнику, учительнице, лучше и не показываться на улице в местах сборищ пьяных головорезов, ибо того и гляди, что, ни за что ни про что, каждый может получить незаслуженное оскорбление...»⁴.

Этот недуг казачества, очевидно, приобрел такие масштабы, что был отмечен даже во время официальной проверки Оренбургского казачьего войска Главным управлением казачьих войск в 1902 г. Начальник управления П.О. Щербов-Нефедович, в своем секретном докладе указывал, что «серьезным недостатком Оренбургских казаков, могущим влиять неблагоприятно на их материальное благосостояние, является довольно большая склонность к крепким напиткам»⁵. Потребление водки на территории Оренбургского казачьего войска было выражено следующими цифрами:

¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 201об.

² Войнов В. М. История войска Оренбургского. Оренбург, 1992. С. 13-14.

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Оренбургские казаки в борьбе с революционным движением в Поволжье и на Урале в 1905-1908 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 3. М., 2006. С. 145-147; Он же. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX - начале XX в. (1891-1917 гг.). М., 2008. С. 290-292.

⁴ Путинцев В. Истинно наше преступление // Военный сборник. 1911. № 4. С. 73.

⁵ Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск, генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 44-45.

Потребление водки на территории Оренбургского казачьего войска
в 1900-1901 годах

Годы	Общее количество проданной водки		Приходится на 1 душу обоого пола всех сословий	
	Число ведер в 40°	На сумму (руб.)	Ведер в 40°	На сумму (руб.)
1900 г.				
1-й отдел	74 264	607 694	0,46	3 руб. 76 коп.
2-й отдел	79 906	642 030	0,57	4 руб. 58 коп.
3-й отдел	125 202	1 005 916	0,71	5 руб. 86 коп.
Итого:	279 372	2 255 640	0,59	4 руб. 77 коп.
1901 г.				
1-й отдел	89 038	687 476	0,54	4 руб. 18 коп.
2-й отдел	95 519	730 989	0,66	5 руб. 2 коп.
3-й отдел	152 980	1 170 700	0,86	6 руб. 56 коп.
Итого:	337 537	2 589 165	0,69	5 руб. 30 коп.

Примечание. Сост. по: Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск, генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 45.

Эти показатели превышали аналогичные для крестьянского населения, равно как и общий показатель душевого потребления по империи в 0,49 ведра в 1901-1902 годах.⁴ Расходы на водку в три раза превышали общественные расходы всего войска. При среднем размере казачьей семьи в шесть человек только на алкоголь (по данным 1901 г.) за год тратилось 32 рубля. Год от года эти цифры возрастали. Так, по данным за 1907 г. на душу обоого пола всех сословий в войске приходилось уже 0,75 ведра водки (в 1901 г. – 0,69 ведра)⁵. Напомню, что мера в одно ведро соответствовала 12,3 литра, следовательно, один оренбургский казак в 1907 г. выпивал в среднем 9,2 литра водки. Очевидно, что это только официальные данные и лишь по 40° водке, но, как известно, значительная часть алкоголя производилась самими казаками в своих хозяйствах и не могла быть учтена, а ведь помимо водки потреблялись и другие спиртные напитки. Таким образом, реальные масштабы потребления спиртных напитков были гораздо большими, и точно оценить их практически невозможно. Расход на потребление казенного вина населением войска всех сословий в 1911 г. составил (общая сумма и душевое потребление) 2 986 540 руб. и 4 руб. 88,3 коп. соответственно; в 1912 г. – 3 400 901 руб. и 5 руб. 51,1 коп. соответственно; в 1913 г. – 3 904 638 и 6 руб. 32,5 коп. соответственно⁶. Таким образом, потребление вина еще более увеличилось.

Один из авторов уже в 1929 г. писал: «Казаки большие любители пьянствовать. Если в так называемую святую, то есть пасхальную неделю проехать по казачьим станицам от Оренбурга до Орска, или от Орска до Троицка, то увидишь, как казаки пьют. Пьют помногу, долго, по целой неделе. Пьяная «с мала до велика» станица представляет картину исключительную. Вы встретите пьяную толпу разноцветно одетых казачек, которые с визгом и песнями не идут, а пляшут по улице. Вы можете встретить картины, описанные Гоголем в его повестях о запорожских казаках, как пьяный казак лежит в грязи, иногда и без положенной одежды. Пьют казаки, казачки и даже дети. Очень часто можно встретить совершенно пьяных мальчуганов 14 – 16 лет. Как результат пьянства – драки и убийства»⁷.

По мнению начальника 1-й Туркестанской казачьей дивизии генерал-лейтенанта Е. В. Шпицберга (1903 г.), для сбора на службу казакам необходимо иметь по 250 руб., для чего они вынуждены иногда даже продавать домашний скот. Причинами же обеднения казаков являются неурожаи, примитивная обработка земли, пожары, незнание ремесел и, отчасти, пьянство⁸. Войсковая администрация пыталась бороться с пьянством. В частности, атаман 3-го военного отдела, исследователь истории казачества Ф. М. Стариков был действительным членом общества трезвости и руководил борьбой с алкоголизмом в станицах своего отдела⁹.

⁴ Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 31, 318.

⁵ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 год. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 69.

⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 40.

⁷ Евсеев Н. О прошлом и настоящем Оренбургских казаков. Под ред. и с предисловием В. Троцкого. Самара, 1929. С. 39.

⁸ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 38-38об.

⁹ Кузнецов В. А. Религиозно-нравственное воспитание оренбургского казачества // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура. Сб. науч. тр. Челябинск, 2001. С. 87.

В качестве меры дисциплинарного наказания для казаков дурного поведения было откомандирование их на полевую службу на срок до четырех лет, если они состояли в строевом разряде. Отставных казаков выселяли на срок до четырех лет в отдаленные от постоянного места жительства станицы. Такие меры были установлены в 1886 г. как временные, но в 1891 и 1895 гг. продлились, за исключением права ссылки.

Пьянство вело к дисциплинарным проступкам. Так, в выделенной из 3-го Оренбургского казачьего полка 5-й сотне отдельного Оренбургского казачьего дивизиона в апреле 1904 г. произошли драматические события, связанные с массовым неподчинением казаков своему офицеру подьесаулу Д. А. Панову. После обеда 12 апреля 1904 г. он «дважды поздоровался со старослужащими казаками вверенной ему сотни, бывшими на конном учении, но оба раза получил ответное приветствие только от приказного Буддыгина»¹². В итоге 70 казаков были преданы суду. Как установило следствие, имел место сговор старослужащих казаков. Первопричины выступления были достаточно любопытны. Непосредственную причину следствие видело в том, что 18 марта Панов выдал казакам деньги на приобретение вещей, которых не хватало по арматурному списку. 9 апреля он устроил проверку вещей, купленных казаками на выданные им ремонтные деньги, и у некоторых казаков необходимых предметов не оказалось. В этой связи Панов заявил казакам: «Вам бы только пьянствовать да воровать»¹³. Затем в течение двух – трех дней казаки сговаривались не отвечать на приветствие офицера. Как выяснилось, казаки и при прежних командирах позволяли себе подобные выходки, а казенные деньги считали своими и, в частности, приобретали на них выпивку¹⁴, однако ранее такие случаи не афишировались. Новый начальник оказался более требовательным и, чувствуя общую распушенность сотни, обоснованно предал случившееся огласке. Все обвиняемые являлись выходцами из казачьих детей и, в основном, родились в 1879 году. Целью их выступления было стремление ослабить требования начальства. Зачинщиком бунта оказался трубач С. Г. Перфильев, отправленный за это на два с половиной года в дисциплинарный батальон. Остальные участники неподчинения получили меньшие сроки наказания¹⁵.

По свидетельству адъютанта дивизиона подьесаула А. В. Стрелковского, в сотне наблюдались случаи повального пьянства. Так, 25 декабря 1901 г. «почти вся сотня была пьяна... казаки не все могли различить, что я офицер, несмотря на то, что я был в сюртуке при аксельбантах»¹⁶. Офицер сотни хорунжий А. П. Кручинин в своих показаниях высказал мнение о более глубоких истоках беспорядков. Прежде всего, он отметил, что рядом с расположением сотни находилась пивная лавка, в которой казаки покупали алкоголь. В этой связи часто случались кражи, широко было развито пьянство. Кручинин заведовал читальной комнатой сотни, «но никто не приходит читать, а только норовят как бы стащить газету на «цигарки»»¹⁷. Плохая репутация сотни, по мнению Кручинина, была также связана с комплектованием ее казаками станиц, расположенных рядом с приисками и границей Сибири¹⁸. Нет оснований считать такую точку зрения ошибочной. Таким образом, перед нами конкретный пример разлагающего влияния неказачьего элемента на казаков.

Кроме того, в связи с пьянством происходили трагические, а иногда и трагикомические случаи. Один из таких случаев произошел осенью 1907 г. с казаком 3-го Оренбургского казачьего полка Я. В. Трескиным, который допился до того, что случайно пересек границу Австро-Венгрии возле города Волочиск, где квартировал его полк, и едва не вызвал международный скандал. Протрезвев, казак решил вернуться на родину, и был задержан пограничной стражей, доставившей его в часть¹⁹. Хорунжий 3-го Оренбургского казачьего полка А. М. Шилков, участник русско-японской войны, имевший несколько боевых орденов, два года подряд аттестовывался неудовлетворительно. В 1907 г. на льготе в нетрезвом состоянии он застрелил своего одностаничника – казака станицы Усть-Уйской, но был оправдан. Офицер обещал сослуживцам не пить, но обещания сдержать не смог, тем не менее, генерал А. Г. Сандецкий позволил Шилкову остаться на службе. 25 января 1909 г. на станции Волочиск Шилков в пьяном виде приставал к публике, затем свалился в мужской уборной и уснул. В этом виде его обнаружил хорунжий В. И. Карташев. Спустя несколько дней Шилков позволил себе ругаться в офицерском собрании. В итоге офицера пришлось уволить от службы в дисциплинарном порядке²⁰.

¹² РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 8552. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 3об.

¹⁴ Там же. Л. 4об.-5.

¹⁵ Там же. Л. 72об.-74.

¹⁶ Там же. Д. 8553. Л. 220.

¹⁷ Там же. Л. 200об.

¹⁸ Там же. Л. 200.

¹⁹ РГВИА. Ф. 15413. Оп. 2. Д. 1. Л. 13.

²⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 1035. Л. 14-29.

Власть отчасти сама была повинна в происходившей деградации казачьего населения. В 1909 г. по инициативе донского дворянства для облегчения воинской повинности казаков срок пребывания их в приговорительном разряде был сокращен с двух лет до года (в 1905 г. – с трех лет до двух), соответственно отменялись и зимние занятия (15 суток) казаков этого разряда в станицах²¹. Теперь казаки начинали военную подготовку не с 18, как было до 1905 г., а с 20 лет. Это уже являлось существенной переменной. Военное министерство снисходительно оценивало уровень подготовки, который казаки получали в станицах, но, так или иначе, эта реформа способствовала еще большему углублению того конфликта поколений в казачьей среде, конфликта стариков и молодежи, который в основных чертах наметился уже в конце XIX – начале XX вв. и наиболее ярко проявился в годы Гражданской войны. Без сомнения, одним из элементов этого конфликта была проблема пьянства. По сути, казак в очень важном для формирования личности возрасте 18-20 лет оказался предоставлен самому себе и даже улице, бездельничал и подвергался негативному воздействию со стороны.

Чрезмерное потребление алкоголя сказывалось на генофонде казаков. Все чаще можно было встретить молодых казаков «с истощенным вообще организмом, маленьких, захудалых, с впалой грудью, плохо развитой мускулатурой, с больными глазами, рахитиков, вялых, апатичных и зачастую «недовольных умом», т.е. попросту дурачков и идиотов»²². В связи с пьянством среди казаков распространилась лень, отсутствие хозяйственности. Тяжелый домашний труд обычно поручался дешевым наемным работникам (например, казахам) или взваливался на плечи казачек.

Наиболее характерными проступками оренбургских казаков были «пьянство, праздность, лень, беспечность и нерадение к хозяйству, мотовство, уклонение от отбывания разного рода общественных и земских повинностей, неплатеж долгов, нарушение наемного договора... разврат, распутство, буйство, бесстыдство, разные виды обид, нравственное насилие, самоуправство, мелкие кражи, мошенничество, обманы и т.п. Но самая вредная деятельность означенных лиц (речь идет о казаках дурного поведения. – А.Г.) проявляется в ростовщичестве, кулачестве, писании ни на чем не основанных ябеднических и клеветных прошений, адвокатуры в местных судах и административных учреждениях, эксплуатации отдельных обывателей и целых обществ разными подпольными и едва уловимыми путями под видом иногда оказания им благодетельных...»²³.

Установление указом от 18 июля 1914 г. с началом Первой мировой войны сухого закона (подтвержденного постановлением Временного правительства от 27 марта 1917 г.) значительно повысило спрос населения на алкоголь (в основном, речь шла о спирте, т.к. вино продавалось свободно²⁴). Несмотря на введение сухого закона, в годы войны на территории войска продолжалось пьянство, хотя, видимо, в меньших масштабах. Даже в приказах по войску отмечалось, что в станицах готовят кислушку и пьянствуют²⁵. По материалам других губерний известно об употреблении, несмотря на риск ослепнуть, таких спиртосодержащих суррогатов, как денатурат и политура²⁶. Следовательно, масштабы недуга были достаточно велики. Главным сырьем для самогонварения были хлеб и сахар, на которые вскоре далеко не случайно были введены карточки.

Революция 1917 г. и внезапно наступившие свободы были поняты населением как слабость власти и вседозволенность и сопровождалась резким всплеском пьянства. На местах воцарились анархия и хаос, власть оказалась в руках у тех, кто оказывался сильнее. По стране прокатилась волна пьяных погромов. Не случайно, при характеристике событий того периода особой популярностью у современных исследователей пользуется термин «пьяная революция».

Дни 16-18 декабря 1917 г. ознаменовались безобразным пьяным бунтом в Оренбурге, где произошел разгром винного склада, на котором хранилось около 40 000 ведер (ведро – мера объема, равная 12,3 литра) спирта. Предыстория произошедшего была следующей. Городские власти по предложению губернского комиссара Н. В. Архангельского во избежание пьяных погромов, прокатившихся тогда по всему Уралу, занимались уничтожением запасов спирта путем их слива в р. Урал. Однако после того, как слив был по решению председателя Комитета спасения Родины и Революции В. Ф. Барановского приостановлен, труба от избыточного давления лопнула и началась утечка спирта. Оренбургским властям пришлось столкнуться с крайне сложной ситуацией, грозившей

²¹ Приказ по военному ведомству. 1909. № 291.

²² Путинцев В. Истинно наше преступление // Военный сборник. 1911. № 4. С. 74.

²³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 37. Оп. 3. Д. 260. Л. 18об.

²⁴ Федюк В. П. Темные стороны белого дела: алкоголь и пьянство // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Вып. 3. Ярославль, 2003. С. 68.

²⁵ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 11. Ч. 1. Л. 70.

²⁶ Щербинин П. П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914-1918 годов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1. История. 2003. № 2. С. 66.

массовыми беспорядками и хаосом в городе, притом в канун большевистского наступления. Казаки 5-й сотни 4-го Оренбургского казачьего запасного полка, вызванные для охраны растекшегося спирта, вечером 16 декабря перепились. Новый караул поступил точно так же. После этого к месту утечки потянулись местные жители, началось разграбление склада, вспыхнул пожар. 17 декабря место происшествия посетил оренбургский атаман А. И. Дутов, в тот же день выступивший перед Войсковым Кругом со своими предложениями о мерах воздействия на мародеров. Конная милиция смогла разогнать толпу, однако весь день по городу ходили массы пьяных людей, 17-18 декабря в городе закрылись магазины, рестораны, театры и кинематограф. Лишь опираясь на казаков-стариков из ближайших к Оренбургу станиц (в основном, из Павловской и Сакмарской), мобилизовавших все мужское население от 22 до 55 лет, Дутов сумел пресечь угрозу массовых беспорядков в городе. Всего в город прибыло около 2000 казаков. Вместе с тем, разграбление склада продолжилось и позднее, причем от неумеренного употребления спиртного и других причин погибло около 210 человек²⁷. В советской историографии в провоцировании погромов был обвинен сам Дутов, поскольку именно он, прекратив погром, смог укрепить свои позиции²⁸. Оренбургский атаман считал, что, наоборот, именно «большевики перешли к излюбленному приему: спаиванию темной массы, организовали пьяный бунт»²⁹.

Нечто похожее случилось и в Верхнеуральске. По свидетельству очевидца, «в начале декабря 1917-го г. толпа разгромила казенный винный склад. Народ перепился, и в городе была большая паника. Вооружив винтовками реалистов, удалось спирт из огромных цистерн выпустить в реку. Но водка в посуде была расхищена вся. На этой платформе объединились все – и пролетарии, и буржуа...»³⁰.

В Оренбурге в условиях военного положения все заведения должны были работать до 22 часов, была запрещена торговля спиртным. Тем не менее оренбургским кадетам, впервые в своей жизни принявшим участие в настоящих боях, по пути на фронт выдали по полстакана водки, чтобы дети не замерзли в уральский мороз³¹.

Пьянству оренбуржцы были в какой-то степени обязаны и неудачами начального периода борьбы с большевиками. В частности, по слухам, казаки в Троицке в конце 1917 г. увлеклись празднованием Рождества и были разбиты подошедшими силами красных³². Сам атаман Дутов с грустью вспоминал о своем бегстве из Оренбурга в начале 1918 года: «Проезжаю Орск. Кругом пьяно. Видны пьяные хвосты...»³³ Тем не менее, именно при Дутове в июле 1918 г. для пополнения казны в Оренбурге осуществлялась ограниченная продажа казенного спиртного по карточкам, однако вскоре она была свернута. Позднее торговля спиртными напитками была запрещена и каралась штрафами.

Колоссальные масштабы пьянство приобрело в деревне, где сопровождалось ростом преступности. Пьянство широко распространилось и в войсках, первоначально в целях релаксации и ухода от тяжелой действительности, позднее на фоне неудач белых как следствие безысходности положения. Как позднее вспоминал Генштаба генерал-майор С. А. Щепихин, «у Дутова были «толпы вооруженных казаков à la Заруцкий, но не было воинских частей»³⁴. Отдельные документы ярко свидетельствуют об этом. К примеру, казак пулеметной команды 19-го Оренбургского казачьего полка И. С. Челпаченков, признанный виновным «в неисполнении приказа начальника по нерадению и [в] самовольном отсутствии от команды, неоднократно замеченном в пьянстве и неисправимо дурном поведении», приговорен к одиночному заключению в тюрьме военного ведомства на два месяца, замененному четырехмесячным заключением в гражданской тюрьме³⁵.

Не избежал пьянства и казачий офицерский состав, тесно связанный со средой рядового казачества. В случае с офицерами пьянство имело следствием безудержные кутежи и дебоши, сопровождавшиеся скандальными выходками и неподчинением старшим.

²⁷ Оренбургский казачий вестник. 1917. № 106. 20.12. С. 2; *Нарский И. В.* Две трагедии в Оренбурге, или Что приключилось в умах оренбуржцев за 12 лет // Оренбургское казачье войско: Страницы истории XIX-XX веков. Сборник научных трудов. Челябинск, 1999. С. 110-113.

²⁸ Гражданская война в Оренбургском крае. Чкалов, 1939. С. 25.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9.

³⁰ *Полосин М. П.* /1918 год (из воспоминаний обывателя) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 268-269.

³¹ *Яконовский Е. [М.]* /Каргалла // Военная Быль (Париж). 1952. № 3. С. 29.

³² *Трубецкой А. Е.* Как мы пытались спасти Царскую Семью (история одной попытки) // Дворянское Собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах (Москва). 1995. № 2. С. 64; См. также несколько отличающуюся версию того же текста: *Трубецкой А. Е.* История одной попытки (январь-февраль 1918 г.) // Князь Трубецкие. Россия восприняет! М., 1996. С. 523.

³³ Оренбургский казачий вестник. 1918. № 7. 11 июля. С. 4.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 52об.

³⁵ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 54об.

Офицер 1-го Линейного казачьего полка сотник А. М. Самоцвет 17 ноября 1918 г. в Оренбурге в нетрезвом состоянии зашел в кофейную и ввел за собой свою верховую лошадь. Поскольку такой поступок являлся уже не первым, офицер был разжалован и отправлен в 19-й Оренбургский казачий полк рядовым бойцом без права занятия какой-либо командной должности⁷⁸. Однако вскоре Самоцвет был командирован в пулеметную школу в Троицк (1919), что вызвало справедливое негодование начальника штаба армии Генштаба генерал-майора А. Н. Вагина, который 25 марта 1919 г. отметил, что «на требование телеграммой № 21295 сего года о высылке лучших офицеров и казаков в пулеметную школу командирован сотник Самоцвет, который за пьянство и поступки, роняющие офицерское достоинство, был переведен в другую часть рядовым бойцом. Теперь Самоцвет тоже пьянствует, совершенно не занимаясь делом»⁷⁹. Генерал Вагин потребовал объяснений от командира 2-го Оренбургского казачьего корпуса генерала И. Г. Акулинина о причинах такого назначения. Акулинин ответил, что о причинах этого ему неизвестно и он запросит командование дивизии, в которой служил Самоцвет⁸⁰. Позднее Самоцвет был ранен в руку под поселком Сухтеленевским, а офицерский чин ему после этого возвращен.

В одном из уфимских кафе в мае 1919 г. пьяный дебош устроил прапорщик 18-го Оренбургского казачьего полка П. А. Никольский, который «в ночь на 13 мая 1919 г. в гор[оде] Уфе ...напился пьяным до потери приличного воинскому званию вида... тогда же и там же, находясь в кафе “Трудовая Артель”, носил при себе бутылку со спиртом, каковой в означенном кафе и распивал, причем вел там себя неприлично, шумя, ругаясь и ходя-шатаясь по ресторану, чем вызвал возмущение находившейся в кафе публики и требование удалить его из кафе»⁸¹, а затем, не желая подчиняться пытавшимся его утихомирить офицерам, заявил, что он «служит в войсках Дутова, какового только одного и признает, а до остального ему нет дела»⁸².

Прапорщик 8-го Оренбургского казачьего полка Ф. Бармотин в декабре 1918 г. совершил пьяное буйство, за что был разжалован в рядовые⁸³. Хорунжий 4-й сотни 1-го Оренбургского казачьего пластунского полка И. Колокольцов 28 сентября 1918 г. около 22 часов, возвращаясь с кампанией офицеров с именин одного из товарищей по полку, в нетрезвом состоянии обнажил шашку перед дневальным у ворот казармы, о чем на утро не помнил и узнал лишь со слов дежурного офицера. Как выяснилось, вместе с командиром сотни хорунжим Ломакиным он пристал к дневальному, вынужденному обороняться винтовкой от своих же офицеров⁸⁴. По приказанию командира полка Колокольцов был арестован и отправлен в Оренбург, а затем переведен в запасный полк. «В оправдание себя никаких показаний дать не могу», – униженно писал он в рапорте.⁸⁵

Недуг коснулся и старших офицеров. К примеру, в приказе по Восточному фронту № 85 от 8 сентября 1919 г. говорилось, что командир 6-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина А. А. Избышев «за уклонение от боевых операций и непрерывное пьянство» разжалован в рядовые⁸⁶.

Надо сказать, что пьянство получило распространение также и среди неказачьих офицеров. В тесной взаимосвязи с пьянством в войсках широко распространились карточная игра, разврат и мародерство.

По свидетельству командира 1-й сотни 25-го Оренбургского казачьего полка сотника И. Е. Рогожкина (впрочем, дважды предававшегося военно-полевому суду, а затем перешедшего к красным, что, разумеется, существенно снижает доверие к его свидетельству), последовательно сменявшиеся командиры полка были крайне неудачными: один – «форменный алкоголик, да и недалекого видимо ума... по вывеске был очень представительный» (полковник Тургенев), другой – «человек трезвый и очень гуманный, но в военном деле был бездарный до бесконечности» (войсковой старшина П. Иванов), третий – «еще чуднее... человек совсем глупый и ни к чему не способный» (полковник Калачев)⁸⁷.

⁷⁸ Приказ войскам Юго-Западной армии. 1918. № 84. 19 ноября. – Оренбургский казачий вестник. 1918. № 112. 21 ноября. С. 4.

⁷⁹ РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 2. Л. 96.

⁸⁰ Там же. Л. 96об.

⁸¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 427.

⁸² Там же.

⁸³ РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 14об.

⁸⁴ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 72. Л. 23.

⁸⁵ Там же. Л. 18.

⁸⁶ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 57. Л. 59.

⁸⁷ ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 2-2об.

Долгое время утверждалось (в пропагандистских целях), что и высшие руководители Оренбургского войска были пристрастны к алкоголю, однако это не так. Один из советских авторов уже в 1920-х гг. писал, что, якобы, при Дутове «грабежи, убийства в городе (Оренбурге - А.Г.) стали обычными. Выпущенные из тюрем уголовники работали, как никогда, Дутов особенно решительных мер к восстановлению порядка и спокойствия не принимал. Он сам боялся за свою жизнь: ездил всегда окруженный плотным кольцом бородачей-казаков. Боясь отравы, он всегда опасливо ел, ел только после того, как с этого же блюда ели угощающие... Пристрастный издавна к алкоголю, Дутов в это время пил все больше, последние дни своего владычества он никогда не расставался с флягой водки»⁶.

Также по воспоминаниям генерала С. А. Щепихина, атаман Дутов однажды доверительно сказал ему летом 1918 г. в Самаре: «Устал я, устал, [Сергей] А[рефьевич]!... Пусть берет всю власть Комуч, а я ограничусь скромной ролью в Оренбурге... Только табак, вино и женщины еще меня поддерживают, а то бы свалился»...⁷ В другом изложении этой фразы Дутова Щепихин, однако, упомянул только о табаке и женщинах⁸.

На самом деле Дутов, вопреки советским пропагандистским штампам и заявлениям недоброжелателей, вообще не употреблял спиртного. Известный сибирский политик и ученый И.И. Серебренников вспоминал: «В сентябре месяце этого же года (1918 г. - А.Г.) я снова встретился с А. И. Дутовым, на этот раз в Уфе, на Государственном Совещании. Там я возглавлял делегацию Врем[енного] Сиб[ирского] Правительства... однажды атаман А. И. Дутов пригласил меня и профессора В. В. Сапожникова⁹, состоявшего также членом Сибирской делегации, в свой собственный поезд, находившийся на уфимском вокзале. В этот день атаман справлял свои именины¹⁰. Роскошный салон-вагон, где он принимал гостей, был переполнен казаками всех казачьих войск, и только мы двое штатских - я и проф[ессор] Сапожников - составляли исключение. Атаман пригласил нас к своему отдельному столу, оказав этим нам особое внимание и радушно угощал нас всякими яствами и винами, в изобилии украшавшими стол. К моему удивлению, сам атаман не пил совершенно - ни одной рюмки водки и ни бокала вина. Беседа лилась непринужденно, на самые разнообразные темы; хозяин принимал в ней живейшее участие, обнаруживая свой недюжинный ум и большую наблюдательность... Должен сказать, что этот именинный день атамана А. И. Дутова составляет одно из приятнейших воспоминаний в моей жизни этого периода. Я и до сих пор отчетливо представляю себе всю обстановку атаманского салона-вагона, где происходило упомянутое празднество, и всех присутствовавших гостей - казачьих офицеров, в форме, с лампасами разных цветов»¹¹.

Более того, Дутов прославился решительными и подчас даже неординарными мерами по борьбе с пьянством. Например, осенью 1918 г. он приказал снять двери с Центральной гостиницы, чтобы за ними не происходило того, что не должно было происходить в обстановке Гражданской войны - речь шла, по всей видимости, о распитии водки офицерами¹². Но ситуация с алкоголизмом продолжала ухудшаться. Дошло до того, что 15 января 1919 г. незадолго до падения Оренбурга Дутов приказал закрыть все увеселительные заведения в городе, угрожая всякому пьяному поркой: «Властью, мне данной Верховным Правителем, решительно объявляю: всякий пьяный, встреченный на улице, будет выпорот без различия званий и состояний... Роскошь, пьянство и безобразие не могут быть допущены в городе, вокруг которого льется святая кровь защитников Родины»¹³. В ноябре 1918 г. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А. В. Колчак предоставил командирам отдельных корпусов и главным начальникам военных округов право лишать за пьянство прапорщиков офицерских чинов,

⁶ Булах В. Как рабочие защищали Оренбург от белых. М., 1928. С. 25.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 60б.

⁹ В. В. Сапожников в этот период являлся управляющим министерства народного просвещения Временного Сибирского правительства, а после Государственного Совещания был избран заместителем П. В. Вологодского во Временном Всероссийском правительстве. - А.Г.

¹⁰ Именины Александра, имевшие место в период проведения Государственного Совещания (8-23 сентября) приходились на 12 сентября по новому стилю (святитель Александр, преподобный Александр Свирский и благоверный князь Александр Невский (перенесение мощей)). Именно святого Александра Невского Дутов считал своим небесным покровителем и всегда возил его образ с собой. - А.Г.

¹¹ Серебренников И. И. Мои встречи с атаманом А. И. Дутовым - Hoover Institution Archives. I. Serebrennikov Collection. Box 11. Folder 1.

¹² Рабочее утро. 1918. № 110. 13 окт. С. 3.

¹³ РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 30.

нарушения офицеров в чине от подпоручика (хорунжего) и выше рассматривались уже самим Верховным Правителем⁴⁴.

Сам Колчак также беспощадно карал за пьянство в войсках, в том числе и оренбургских казаков. 14 августа 1919 г. он вместе с генералом К. В. Сахаровым ехал в автомобиле, inspectируя части на фронте 3-й армии. В районе деревни Максимкова была сделана остановка, чтобы узнать дорогу. Сахаров писал: «В это время навстречу попало четверо пьяных казаков с гармонией в руках, громко певших песни. Как выяснилось потом, это были казаки 18-го Оренбургского казачьего полка Яков Максимов, Михаил Валков, Егор Щербинин и казак 6-го Исетско-Ставропольского полка Иван Зеленин. Выйдя из автомобиля, я лично принял меры к прекращению пьяного безобразного поведения и к выяснению личностей этих казаков. Трое казаков сейчас же после моего приказания прекратили шум, стали смиренно, а четвертый казак Щербинин, несмотря на это приказание мое, продолжал стоять передо мною в распушенной позе, держа руку в кармане и раскачиваясь в стороны от крайнего опьянения.

Его наглый вызывающий вид, полное пренебрежение к присутствию Верховного Правителя и Командующему армией (так в документе – А.Г.), нахальное вмешательство в разговор мой с другими казаками и все вообще поведение говорило о том, что передо мною и находившимся в нескольких шагах от меня Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим стоит не казак Русской армии, а один из тех отщепенцев русского народа – красноармейцев, с которыми мы ведем ныне смертельную борьбу; они, эти отщепенцы, в 1917 г. внесли полный развал в ряды бывшей с Германией Русской армией (так в документе. – А.Г.); они же и теперь пытаются всеми способами подорвать основы нашей родной армии и препятствуют ей довести до конца дело возрождения Родины.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий, выйдя из автомобиля, повелел казака Щербинина расстрелять, а остальных 3-х казаков арестовать до выяснения обстоятельств дела. После сего казак Щербинин за безобразно пьяное состояние, марающее высокое и честное звание воина – защитника Родины и поведение, подрывающее основы воинской дисциплины, был расстрелян в селе Максимкова, а казаки Максимов, Валков и Зеленин были арестованы и препровождены в штаб армии, где было по поводу вышеизложенного произведено дознание»⁴⁵.

Щербинин был расстрелян по закону – в соответствии со статьями 190 и 192 книги XXII 4 издания Свода военных постановлений 1869 г. о наказании до смертной казни включительно за пьянство и буйство. Сахаров ходатайствовал об освобождении остальных казаков от наказания, и Колчак удовлетворил это ходатайство. Думается, этот случай послужил хорошим уроком и не случайно был подробно описан в процитированном выше приказе по армии. Уже 17 августа был издан приказ по армии № 555 о временном ужесточении борьбы с пьянством.

Однако запретительные меры помогали далеко не всегда. К тому же в связи с отменой сухого закона на востоке России Временным Сибирским правительством в июле 1918 г. и правительством Колчака в начале 1919 г. водку можно было достать без каких-либо трудностей⁴⁶. В Омске бутылка водки тогда стоила 6 рублей⁴⁷.

Пропорционально ухудшению положения белых и разложению в рядах армии усиливалось и потребление алкоголя. Характерный эпизод приводит в своих мемуарах генерал Щепихин: «С тяжелым сердцем выехал от полка. На дороге, в отдельном двухэтажном доме, помещался трактир, наполненный казаками. Слышались песни, указывающие, что казаки веселились. Дорогу моей машине загородил высокий старик в шароварах с голубым лампасом. «Стой, стой, генерал! Посошок!» и потянул мне стакан с водкой. Я вспылел, замахнулся на него стеком. Старик отпрянул и вслед мне пустил ругательство. Казаки гоготали. Эта картина меня покорила и навела на грустные размышления»⁴⁸. Во время Голодного похода в конце 1919 г. от тифа, как острили в штабе, не страдало лишь два человека: «генерал Бакич, потому что русская вошь не кусала иностранцев, (Бакич был серб⁴⁹) и начальник автомобильной команды, который «заспиртовался», благодаря постоянной близости с бочками со спиртом»⁵⁰.

⁴⁴ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 215.

⁴⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 139. Л. 250-250об.

⁴⁶ Рынков В. Водка казенная, самогон домашний // Родина. 2002. № 6. С. 50; Подробнее об этой реформе см.: Луков Е. В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории Белой Сибири // История Белой Сибири. Материалы 5-й международной научной конференции. Кемерово, 2003. С. 79-83.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 15.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

⁴⁹ В действительности – черногорец. – А.Г.

⁵⁰ Хитун С. Е. Дворянские поросята. Сакраменто, 1974. С. 12.

http://militera.lib.ru/memo/russian/hitun_sc/01.html.

Наиболее отвратительные сцены пьяных буйств относятся уже к периоду исхода белых за пределы России, когда борьба была проиграна, никаких внятных перспектив в обозримом будущем видно не было и активно шло разложение некогда лучших частей.

В отряде А. С. Бакича на реке Эмиль в Западном Китае «отличился» генерал Р. П. Степанов, характеризовавшийся как «очень храбрый и талантливый начальник... В частной жизни большой кутила, скандалист и дебошир», однажды, напившись пьяным с компанией собутыльников «в полночь в конном строю атаковал красный крест с криком "Ура, бей жидов", избил собственноручно доктора красного креста (еврея) и разогнал по лагерю в нижних рубашках перепуганных набегом сестриц и фельдшерниц»⁶¹.

Приказы по личному отряду атамана А. И. Дутова в Суйдине (также на территории Западного Китая) пестрят сообщениями о самовольной продаже офицерами седел, случаях пьянства (сам Дутов в Китае неоднократно издавал приказы против пьянства), причем даже среди старших офицеров (полковник Янчис и подполковник Земляничин). Отвратительное, но, вместе с тем, показательное пьяное буйство произошло в отряде в октябре 1921 г., уже после гибели Дутова. 14 октября отмечалось «значительное» событие – сотенный праздник конвойной сотни. Конвойцам разрешено было приобрести 6 бутылок джюна (китайской водки), однако сверх этого втайне от начальства было куплено еще 20 бутылок, в результате чего многие напились до потери сознания. Разговор коснулся политических вопросов, и началась пьяная драка, в которой участвовал и начальник хозяйственной части 1-го Оренбургского казачьего полка есаул Пальмин. Наказание было довольно суровым – по 25 плетей для участников драки⁶². На следующий день начальник отряда ввел категорический запрет на спиртное. Тем не менее отрядники все равно умудрялись в обход всех запретов доставать алкоголь. Так, в начале 1922 г. в офицерском собрании капитан Бельский бросил в сотника Франк-Айриха чашку с ужином. Как потом выяснилось, оба были пьяны.

Начальник отряда войсковой старшина А. З. Ткачев в 1924 г. получил следующую характеристику штаба Туркестанского фронта красных: «Человек бесхарактерный, недалекий. Всецело находится под влиянием своей жены и подьесаула Щелокова... Будучи начальником отряда Дутова, все деньги отряда тратил на кутежи и вообще в свое удовольствие, не считаясь с положением прочих белых. Окружил себя родней. Щелоков и хорунжий Голиков – адъютант по строевой части его родня. Занимаясь пьянством и кутежами, ввел порку казаков за малейшую оплошность или пьянство. Этим вызвал сильный ропот не только со стороны его отряда, но и вообще всей белой эмиграции. По получении денег от генерала Анисимова (с Д[альнего] В[остока]) захватил большую часть себе со штабом, на которые производились разгул, кутежи и оргии. В пьяном виде среди офицеров происходили драки. Многих мертвецки пьяных относили по домам»⁶³. Как ни прискорбно, такая оценка, сделанная для внутреннего пользования по запросу ГПУ, скорее всего, являлась объективной и свидетельствовала о полной деградации, по крайней мере, части белой военной эмиграции.

Таким образом, алкогольный фактор сыграл довольно значительную роль в процессе разложения белых армий. Даже самые жесткие меры не позволили преодолеть этот недуг, особенно опасный при наличии в пьяных руках оружия. Вид пьяной вооруженной толпы солдат или казаков едва ли способствовал росту популярности белых в глазах населения, а в иных ситуациях делал их ничуть не лучше красных. Думается, не последнюю роль в процессе спаивания колчаковской армии сыграли большевики-подпольщики. Существовала и еще одна проблема, связанная с пьянством, – рост напряженности и внутренних противоречий в самой армии по вопросу о потреблении алкоголя, когда одни пьянствовали, а другие пытались, подчас суровыми мерами, бороться с этим недугом и налаживать дисциплину.

⁶¹ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 86.

⁶² ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 49об.-50об.

⁶³ РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 3а об.-4.